

ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ

НЕКОТОРЫЕ СООБРАЖЕНИЯ О ПЕРСПЕКТИВАХ РАЗВИТИЯ СОВЕТСКОЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ НАУКИ

Напряженные методологические искания в области советского языковедения, главным образом за последние 9 лет, все еще не дали особенно значительных результатов непреходящего значения. В ряде важных областей эти искания остаются только определенным количеством более или менее влиятельных контрверз. Тем не менее необходимо уже и сейчас их суммировать, подойдя к ним критически, и создать ряд крупных монографий с синтезирующим назначением. Представляется вполне реальной возможностью уже в ближайшее время организовать под компетентной редакцией коллективные труды такого рода.

Широкое применение эксперимента (если не говорить о специальной области, где он сразу завоевал себе права, — об экспериментальной фонетике) некоторое время давало значительные результаты в изучении синтаксиса, связываясь, собственно, с одним только именем А. М. Пешковского. Мастерски экспериментируя в этой области, Пешковский наглядно показал, как много дает для углубленного понимания соответствующих фактов умелое, подчас требующее от экспериментатора немалой творческой фантазии построение родственных, синонимических конструкций. Синтаксис, однако, отнюдь не единственная область языкознания, где эксперимент возможен и где его применение может дать ценные результаты. Многие вопросы, например проблемы современного словообразования, как есть все основания предполагать, могут встать перед нами в другом аспекте — значительно углубленными сравнительно с тем, как их освещают в нынешней научной практике, если наша наука смелее откроет в отношении их дорогу творческому, методологически оправданному экспериментированию. Думаю, что и лингвостилистика в целом для своего оживления нуждается в том, чтобы оторваться от ставших уже почти трафаретными приемов констатации и систематизации входящих в сферу ее ведения фактов и ввести в той мере, в какой это окажется посильным для ее наиболее способных работников (главным образом тех, которые обладают, кроме научного, еще и собственно-писательским талантом), также и творческое экспериментирование над подходящими для этой цели текстами.

Серьезное внимание должны привлечь к себе, уже по возможности в ближайшее время, вопросы координации проблематики языковедения и применяемых в этой науке методов с проблематикой и методами наук, так или иначе соприкасающихся с лингвистикой. Точек соприкосновения языковедения с другими науками, как известно, много; но далеко не все они привлекали и привлекают к себе внимание, которого заслуживают по самой сущности дела. Важное, требующее всякого поощрения явление нашего времени — разработка, например, определенных вопросов кибернетики (машинный перевод и т. п.). Но это, конечно, далеко не все, что имеет большое значение для развития науки о языке в возможных ее связях с другими областями знания. Необходимо, во-первых, возможно полнее наметить объекты исследовательской работы в этом отношении, во-вторых, реально обеспечить им права на серьезное, не только декларативное, внимание со стороны работников науки. Нужно сделать практические выводы из мысли, очень хорошо выраженной известным норвежским ученым и путешественником Т. Хейердалом в его замечательной книге «Путешествие на Кон-Тики»: «Современная наука требует, чтобы каждая специальность рылась в своей собственной ямке. Никто не привык заниматься разборкой и сопоставлением того, что добыто из разных ямок». Если, действительно, такая привычка редка, то нужно признать, что, сознавая пользу и другого возможного подхода к делу, следует решительно стать на защиту последнего и добиваться его реализации в нынешний — мы все в этом уверены — переломный период в истории советской науки вообще и нашей в частности.

Есть все признаки, что в языкознании сейчас совершается методологическое обогашение этой — в своих основах гуманитарной — науки исследовательскими приемами математики. Нет сомнения, что применение математических методов раньше или позже сыграет и для языкознания свою благодатную роль. Симпатии языковедов в этом отношении не представляют чего-либо радикально нового. Если известная манера изучения фактов языка И. А. Бодуэна де Куртэнэ могла представляться И. В. Ягичу только склонностью его «к математическим или, вернее, выглядящим как математические формулировкам (формулам)», то обращение к статистическому, вер-

нее — подсчетно-арифметическому изучению языковых фактов дало несомненные результаты в работах таких представителей нашей науки, как, например, В. А. Богородицкий и другие ученики Бодуэна, М. Н. Петерсон и т. д. Имела место в ней и очень серьезная попытка В. Ф. Чистякова и Б. К. Крамаренко¹. Самое, впрочем, важное и компетентное обоснование возможности применения математического метода к языковедческой проблематике принадлежит покойному академику — математику А. А. Маркову в его известной статье². Возможно, что я сейчас не называю чего-нибудь очень важного из работ по математическому методу в языкознании³; мои замечания имеют сейчас в виду не столько литературу вопроса и характеристику сделанного в этом направлении, сколько внимание к настоятельной необходимости максимально развить работу этого рода уже в ближайшее время.

Не следует бояться того, что применение, например, теории вероятностей (если применять ее будут специалисты-математики, а не сами языковеды, которые по необходимости окажутся в этой области дилетантами), возможно, сильно подорвет значение некоторых областей языкознания в том их состоянии, в каком мы их знали до сих пор. Имею в виду прежде всего такие, как сравнительно-историческая этимология, это область часто не очень высоких вероятностей, иногда только возможностей и просто научной игры. Самим языковедам хорошо известна невысокая цена сравнительно-исторических реконструкций древнейшей флексии («viel Geschrei und wenig Wolle», по выражению И. В. Ягича). В этой области критика с позиций теории вероятностей вряд ли скажет много лестного в пользу наших традиционных исследовательских приемов. Но положение дела властно требует от нас мужества. Мы должны «пригласить» математику подвергнуть решительной и вдумчивой критике то, что в этих областях языкознания требует своего методологического пересмотра, безжалостно отбросить то, что при таком пересмотре окажется уже нежизнеспособным, и вместе с математиком осветить перспективы того здорового в этих отраслях нашей науки, что выдержит критику.

Очень важный перелом в истории советского языкознания, связанный с выступлением И. В. Сталина по поводу лингвистической дискуссии 1950 г., дал в общепрактическом плане результаты меньшей ценности, чем можно было рассчитывать. Раскрепощение языкознания от заведомо вредных концепций «нового учения о языке», конечно, принесло большую пользу, дав возможность, во-первых, вернуться ко многим давно оправдавшим себя методическим приемам, скажем условно, «классическому языкознанию» XIX — начала XX в., во-вторых, реализовать значительную научную продукцию в заброшенных или пренебреженных областях языкознания, не созвучных или и вовсе враждебных «новому учению о языке». Много, может быть — слишком много, внимания привлекла к себе, однако, критика продукции предшествующего периода. Почти невольно создалась иллюзия, будто, подвергнув уничтожающей критике учение, претендовавшее на то, чтобы быть марксистским и притом в области языкознания — монополю-марксистским, сделали если не все, то по крайней мере самое существенное для того, чтобы обеспечить науке о языке марксистскую методологию.

На самом деле, без риска впасть в большую ошибку, по-видимому, можно сказать, что для того чтобы безусловно немарксистской концепции акад. Н. Я. Марра противопоставить настоящую марксистскую концепцию, в языкознании — в его целом и в отдельных отраслях — сделано еще очень мало. Имеем ли мы хотя одно достаточно серьезное пособие, монографию или даже статью, в которых убедительно показано было бы, чем именно лингвистический анализ, претендующий на наименование марксистского, отличается от того, с которым мы встречаемся в работах, не имеющих намерения отражать марксистское мировоззрение их авторов? Важно, что дискуссия 1950 г. и последовавшая за нею критика «нового учения о языке» убедительно вскрыли вульгарно-социологический, следовательно, псевдомарксистский характер объяснений решительно всех явлений языка действием социальных факторов. Мало было сделано, однако, для другого — выделения и показа того, что все-таки после устранения областей, в общем «нейтральных» для метода в социологическом аспекте (фонетика, грамматика), остается допускающим и требующим к себе внимания с позиций определено-марксистских (классовых и т. д.). Сделать это можно и нужно уже в ближайшее время. Редакция «Вопросов языкознания», думаю, хорошо сделала, напечатав (в переводе) в № 2 за 1958 г. статью известного французского ученого М. Коэна «Современная лингвистика и идеализм». Если в этой статье соответствующая проблематика затронута даже и не очень полно, то важно все-таки, что она определено затронута. Дополнить и углубить ее следует, конечно, в первую очередь нам — представителям советской науки, и это, вероятно, не заставит себя ждать; соответствующую

¹ В. Ф. Чистяков и Б. К. Крамаренко, Опыт приложения статического метода к языкознанию, вып. 1, Краснодар, 1929. Ср. также литературу, указанную в «Вопросах языкознания» (1958, № 3 и др.).

² См. А. А. Марков, Пример статистического исследования над текстом «Евгения Онегина», иллюстрирующий связь испытаний в цепь, «Изв. Имп. Акад. наук», Серия VI, т. VII, № 3, 1913.

³ Насколько этот метод (или, вернее, методы) уже привлекает к себе внимание главным образом молодых языковедов, можно видеть хотя бы из статей и обзоров, опубликованных в «Вопросах языкознания» за истекший год.

щая работа, безусловно, оправдывает себя результатами серьезного научного и вместе с тем общественного значения.

Сближение школы с жизнью, властно диктуемое потребностями советского коммунистического строительства, требует в области языковедения, если говорить в общих чертах, прежде всего переборки того места между школьной методикой и наукой о языке, которая, не без серьезных удач, начата была в Советском Союзе в 20-х гг., но дальше, приблизительно с середины 30-х гг., все меньше привлекала к себе внимание работников науки. Усилия в этом направлении обязательно надо возобновить. Для Советского Союза, в частности, особенно большое значение имеет важная и в общетеоретическом плане проблематика двуязычия, проницаемости — непроницаемости языковых систем, полиглотизма и под.— длинный ряд вопросов, сугубо благодарных для исследования в методическом отношении на богатом материале живой советской действительности. Научный базис должен быть подведен в большей мере, чем это имело место до сих пор, под различные приемы изучения родного и иностранных языков, в частности — методы самостоятельного изучения последних.

Довольно много сделано, но этим, конечно, не исчерпывается все полезное, что наука о языке еще может предложить, например, для усовершенствования редактирования текстов, составляющих предмет занятий в средней и особенно высшей школе. Практики хорошо знают, насколько слабо вооружены они серьезными теоретическими основаниями для критики, а затем исправления хотя бы так называемых «сочинений» учащихся. Советы учащихся в этом отношении еще часто носят или совсем отвлеченный, или очень условный характер, и, кроме указаний собственно-грамматического характера, арсенал средств, которыми а затем остоившимися располагает сама наука о языке, в целом все еще оказывается недостаточным даже и сейчас, после интенсивной работы последних десятилетий в области теоретической и практической стилистики.

Наша наука много сделала в советский период в целом также для теории и практики перевода с одного языка на другой. Предметом подобного рассмотрения лингвистов уже относительно давно стали многочисленные переводы, главным образом — с русского на язык Советского Союза и обратно. Настоящей творческой лабораторией в области языка оказались, в частности, многочисленные переводы классиков марксизма, выполнявшиеся целыми коллективами специалистов под редакцией авторитетных представителей лингвистической науки. Важно, чтобы этот большой опыт был систематизирован и возможно глубже освещен научной теорией уже в ближайшее время.

Л. А. Булаховский

Советская иранская филология является прямой наследницей русской иранистики, отличаясь от нее расширением охвата материала и углублением его разработки. С одной стороны, Великая Октябрьская революция расширила, усложнила содержание иранистики, ее тематику; с другой стороны, если в России иранской филологией занимались почти исключительно в центральных городах — в Петербурге, Москве и др., то после Октября, естественно, ею стали заниматься также в Средней Азии (Таджикистан) и в Азербайджане.

В связи с вышеизложенным можно указать на возникновение и успешное развитие таких новых иранистических дисциплин, как таджиковедение — изучение современного языка таджиков, таджикских говоров, современной таджикской литературы. Следует отметить также изучение некоторых восточноиранских языков, сохранившихся на территории Таджикистана. В свою очередь не надо упускать из виду, что исследование таджикских говоров не могло не привлечь внимание исследователей к вопросам фонетики — таджикской и общей иранской, что обогатило нашу науку общей фонетики — фонологии. Нельзя не отметить также создание в Таджикистане двух образцовых словарей: русско-таджикского и таджикско-русского. Наша успешная работа в области таджиковедения уже обратила на себя внимание некоторых ученых из ГДР, а также из других стран (Франция).

Поразителен по своим масштабам расцвет изучения древних языков в наше время; в этой области нашей науки продолжает сказываться влияние школы акад. К. Г. Залемана. Русская иранистическая наука может по праву гордиться, что ее представители (К. Г. Залеман) уже в XIX в. принимали деятельное участие в создании основополагающих трудов по истории иранских языков.

Найденные западноевропейскими учеными при археологических раскопках в Центральной Азии письменные документы на согдийском языке религиозного по преимуществу содержания и первые попытки их дешифровки нашли немедленный отклик в ряде работ К. Г. Залемана. Однако лишь сравнение языка документов, найденных в советскую эпоху на древней территории Согда на горе Мур in situ, с языком находок в Центральной Азии позволило установить, что язык этих последних есть действительно согдийский (на Западе это положение признается проф. В. Ленцем).

Русская иранистическая наука вправе гордиться также трудами академика Б. А. Дорна, определившего строй афганского (пашто) языка и создавшего его грамматику. Кратковременное преподавание Б. А. Дорном этого языка в Петербургском университете почти сто лет тому назад не дало, правда, ощутительных результатов. Однако в 40-х годах нашего столетия преподавание афганского языка было возобнов-

лево в том же Ленинградском университете на кафедре иранской филологии и успешно продолжается. Работы в области афганского языка могут и должны оказать большую пользу делу развития иранского языкознания в целом: апофония, игравшая существенную роль в истории иранских языков, особенно отчетливо отразилась в развитии именно этого языка.

В предыдущих строках я старался изложить вкратце интересы и заслуги русской и советской иранской филологии, останавливаясь главным образом на лингвистическом ее разделе. Говоря о п е р с п е к т и в а х р а з в и т и я нашей иранистической науки, я остановлюсь прежде всего на том, что мы делаем недостаточно, и укажу, над чем необходимо работать, поскольку в состав Советского государства входят республики и области, население которых говорит либо говорило на иранских языках и которые с древних времен соседят с ираноязычными странами и областями.

Недостаточным является изучение восточноиранских языков, исключая осетинский, исследование которого начато В. Ф. Миллером и успешно продолжается по сегодняшний день. Мало кто занимается у нас изучением сакско-хотанских документов (в нашей печати во всяком случае эти занятия нашли отражение лишь в виде одной-двух статей). Между тем племена, говорившие на этих диалектах-языках, соседнили непосредственно с согдоязычным населением Средней Азии. В связи с вышеуказанным недостаточно отчетливо отстаивается русско-норвежская точка зрения на то, что тохары были одним из сакско-хотанских племен и говорили на иранском языке¹.

Недостаточными являются также наши занятия согдийским языком. После отличных результатов раскопок на горе Муг, выявивших впервые документы на согдийском языке на территории Согда *in situ*, было начато издание этих документов, которое продолжалось немногим более пятнадцати лет и в результате которого увидело свет немногим более десяти документов. Затем по неизвестной причине издание этих документов прервалось и возобновилось лишь недавно. Хочется надеяться, что издание будет доведено до конца в не слишком отдаленном будущем, во всяком случае — в ближайшие годы семилетки.

Занятия ближайше родственным согдийскому — хорезмийским языком имели место у нас в основном в 30-е и 40-е гг. Посвященный этому вопросу ряд статей был объединен в книге «Хорезмийский язык», изданной в 1951 г. Некоторые работы ждут опубликования.

Выполнение всех указанных задач лежит на совести ныне здравствующего старшего и младшего поколений ученых-иранистов; руководящим же организациям следует подумать о подготовке смены: недавно защищенные диссертации в области иранистики могут свидетельствовать о достаточном количестве талантливых молодых сил.

А. А. Фрейман

¹ См. об этом нашу статью «Тохарский вопрос и его разрешение в отечественной науке» («Уч. зап. ЛГУ», № 128. Серия востоковед. наук, вып. 3, 1952).